

Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход

Д.В. Чернобров

Международные конфликты традиционно ассоциируются с вопросами силы и расчетом возможностей государств и рассматриваются российскими политическими и научными авторами сквозь призму национальных интересов и геополитических теорий. Новые явления в международных отношениях, в том числе терроризм, асимметричные войны, массовые волнения («арабская весна»), а также оспариваемый феномен глобализации, как правило, анализируются с позиций теории реализма, предполагающей баланс сил и интересов, а также приоритет государственной политики над вопросами массового сознания. Конструктивистский подход к объяснению конфликтов, представленный в этой статье, позволяет говорить об эволюции «образа другого» и ключевой роли субъективного «образа другого» в поддержании или изменении конфликтного потенциала на уровне коллективной идентичности. Предлагаемые в статье выводы связывают эволюцию «образа другого» с многоуровневой идентичностью, историческим сближением идентичности с национальным государством (nation state) и увеличением количества доступных информационных потоков. Представленный социально-исторический срез предполагает усложнение «образа другого» в современных конфликтах, что затрудняет их урегулирование и приводит к пересмотру значения конструктивистского анализа международных событий.

Анализ конфликтов через призму представлений теории реализма на протяжении долгого времени являлся доминирующим подходом к международным отношениям как на Западе, так и в России еще со времен зарождения международных отношений как научной дисциплины, призванной объяснить возникновение и повторение войн. Особое распространение в отечественной историографии и политической мысли такой подход получил при анализе конфликтов «холодной войны», когда соотношение баланса сил и интересов, расчет объективных возможностей и поиск противовесов в анархич-

ной системе международных отношений стали неотъемлемой частью принятия политических решений. Тем не менее задачей данной статьи является не отрицание реалистичности подобного анализа, а дополнение разных теоретических объяснений конфликтов конструктивистским видением «образа другого». Усложнение этого образа в процессе исторического развития конфликта и информации о конфликте, а также в современной системе отношений между властью и обществом наделяет общественное восприятие значительным потенциалом к разрешению или поддержанию конфликта¹.

Чернобров Дмитрий Витальевич – докторант Кембриджского университета, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: dmitry.chernobrov@gmail.com

■ Международные отношения

Традиционный реализм объясняет наличие конфликтов «человеческой природой» (Хоббс, Моргентау) и наличием физической возможности достижения цели относительно других государств («теория относительной выгоды»), достигая апогея в «зеркальных» философских формулах Клаузевица и Фуко о войне как «продолжении политики другим способом» и политике как «продолжении войны иным путем». Структурный реализм добавляет предположение об анархичном характере международных отношений и объясняет конфликт отсутствием сдерживания и препятствий к его началу² в системе, в которой не существует эффективных надгосударственных контрольных механизмов (отсюда – теория об относительной стабильности международных отношений в биполярной системе).

Альтернативные реализму теории, как правило, также склонялись к рассмотрению конфликта на уровне причин и мотиваций принятия политических решений, сохраняя приоритетное внимание к государственной политике в международном конфликте. Объяснения конфликтов через экономическое противостояние и отношения собственности (марксизм) или принятая в западных политических кругах теория «демократического мира» (ветвь либерализма), при котором демократии не вступают в конфликт между собой, подразумевают объективную линейность в развитии конфликта как явления международной политики и его «исчерпаемость» при достижении необходимых экономических или внутриполитических критериев. Однако, признавая важность концепций системной анархии и рационального (политического, экономического или ценностно-ориентированного) поведения государств, нельзя не учитывать растущее многообразие акторов международной политической системы, а также изменение традиционных отношений в системе «государство–конфликт–информация–общество» и их восприятия друг друга.

Конструктивистский подход к анализу конфликтов, принятый в данной статье как основной аналитический инструмент, рассматривает влияние нерационального восприятия и подразумевает значительную роль идентичности в конфликте. Идентичность означает восприятие «себя», основанное на постоянном сравнении актора по отношению к отличающемуся от него «другому». Возможна бесконечная многоуровневость идентичностей, в зависимости от роли ее носителя в конкретный момент времени (одновременно по отношению к разным внешним факторам могут приниматься идентичности, совпадающие с национальностью, или политическими взглядами, или социальным положением и т.д.). Осознание «себя» таким образом возникает не столько при выделении объективного отличия, которое «своя» идентичность считает важной³ и самообразующей, сколько при контакте с группой, которая осознается как «другая» от несовпадения «своей» особенности с «другой». В результате подобного контакта формируется граница «своей»

и «чужой» группы⁴: «Свой понимает, кто он, от осознания того, кто «не свой»⁵.

Разделение на «своих» и «других» и их последующее сравнение – неизбежная составляющая восприятия мировых политических процессов. При контакте разных идентичностей «возникает спонтанное осмысление незнакомца как «другого», чуждого и отличного от «нас»⁶, и тем самым создается парадигма «своего» и «другого». Понимание «своего» и «другого» и ассоциация со «своими» во многом определяет восприятие чужой идентичности и собственные действия, которые впоследствии трансформируются в политические меры и общественную реакцию на них.

Данный теоретический обзор необходим для понимания подхода к социально-историческому анализу изменения «образа другого» в конфликтах современности. Предлагаемый обзор с использованием исторических примеров конфликтов рассматривает конфликты на уровне обобщенного восприятия «своего» и «другого» и намеренно не затрагивает политические причины принятых решений, чтобы изолировать конструктивистскую составляющую. Основной тезис статьи предполагает усложнение «образа другого» в связи с ростом осознания границ «своей» и «чужой» идентичностей в насыщенном информационном поле, а также выявляет изменение компаративной глубины восприятия конфликтов в свете предыдущих «других».

«Образ другого» в историческом контексте: граница и роль «своего» и «другого»

Для понимания процесса эволюции «образа другого» необходимо учитывать, кто может рассматриваться как «свой» и «другой» в изменяющемся контексте развития самосознания идентичностей. Конструктивистский подход предполагает, что «другой» – это «не свой», то есть любая категория, которая не находится в границах «своей» идентичности и не разделяет особенностей «своего». Концепция «другого» имеет широкое применение в политической психологии. Однако в приложении к истории развития международных конфликтов вопрос сущности «другого» напрямую связан с отношениями власть – общество (political discourse), которые претерпели значительные изменения за последние два столетия.

Так как «другой» в конфликте, как правило, воспринимается негативно и на него возлагается вина за конфликт (в большинстве случаев «своя» идентичность не может быть отрицательной⁷), то вопрос обобщения или разделения ответственности политических решений элиты и общества внутри потенциального «другого» приобретает ключевое значение. Наиболее ярким примером данного процесса может служить дискуссия о причинах Второй мировой войны между сторонниками отделения нацистской идеологии и режима от немецкого этноса, с одной стороны, и стереотипированием немцев как «агрессивных» по своей природе – с другой. В обоих случаях видение отношений власти и общества определяет

границу «другого» с присущими ему негативными характеристиками и бременем вины за конфликт.

Аналогичное значение отношения власть – общество исторически имели для осознания субъекта «своего» и его возможных границ: насколько существенным является объективное отличие в доступе к власти и сопутствующим возможностям между элитой и народом и становится ли оно препятствием для создания единого «своего», даже при наличии значительного сходства (культурного, языкового, территориального). При рассмотрении имперских конфликтов в период монархической системы властных отношений появляются основания говорить о большем расслоении «своей» идентичности на подкатегории согласно уровню социального положения, который в то время играл определяющую роль для самовосприятия. Так, в Отечественной войне 1812 г. «другой» для российской политической элиты – противостоящая французская элита, однако до и после войны с ней поддерживались значительные связи (Франция для России в тот период – культурный «свой» вне рамок конфликта). Для несовпадения «своей» и «чужой» идентичности с границей государства или этноса в данном случае существуют и другие основания: сходство аристократического положения и социального строя, а также интересы обеих элит. Таким образом, вне конфликта наблюдается существенная вероятность ассоциации российской социальной элиты с французской элитой, а не с народом, в рамках аристократического «своего», когда главным отличием от «других» становятся уровень благосостояния и общие культурные ценности.

Напротив, для населения (вне элиты) «свой» и «другой» во время этого конфликта в значительной степени не имеют предварительного контакта до войны, а соответственно и представления об объективной общности или разности друг от друга. Согласно историческим и литературным источникам, «образ другого» на народном уровне в Отечественной войне 1812 г. основывается на стереотипировании национальности и языка («другой» – «француз»), религиозных («свой» – православный) и внешних признаков (особенности военной формы: кокарды, синие мундиры и связанные с этим народные прозвища «другого»). При этом российский элитный «свой» и народный «свой» не всегда разделяют одни и те же ценности, так же как не обладают одинаковым видением и пониманием причин конфликта.

В российско-турецких конфликтах данная тенденция также находит подтверждение. Осознание границы «другого» происходит по тем же общим признакам, которые народный «свой» видит в себе: по языку и религии (образ православного «своего» и «басурманина» – «другого»). «Другой» наделяется упрощающими его стереотипами: «басурманин» «злой» и негативный по своей природе (стереотип, создающий упрощенный образ «другого» без необходимости объяснения мотивов). Вероятная причина придания значимости поверхностным, внешним различиям – отсутствие воз-

можности полноценного осознания «себя» и иных критериев сходства с другими членами «своей» идентичности в ограниченном информационном и образовательном (ограничивающим восприятие) пространстве. «Своя» идентичность традиционно видит себя положительно – как «людей с правильным поведением»⁸.

На широком уровне такое поведение исторически воспринималось буквально и отличия «другого» в элементах повседневного поведения (язык, религия, одежда) – заметный признак, принимающий на себя роль границы «своего» и «другого» в отсутствие дальнейшего знания и понимания друг друга. Таким образом, в системе, когда для «своего» власти и общества важное значение в осознании границы собственной идентичности играет социальное положение, может наблюдаться несовпадение элитного и народного «своего» или другой уровень контакта, знания и отношений между «своим» и «другим». Четкая граница «своего» и «другого» отсутствует: скорее, в отсутствие конфликта граница идентичности пройдет по различию статуса аристократия – крестьянство, и лишь позже, с развитием взаимозависимости власти и общества в современной демократической системе в рамках национальных государств (nation state), появится более консолидированное осознание «себя» для установления границы перед «другим».

Параллельно тенденции ко все большему совпадению идентичностей в конфликте с границами национальных государств при росте национального и патриотического самосознания, объединяющего разных «своих» внутри страны, эволюционирует и роль, которую «образ другого» традиционно выполнял до появления «новых войн». В конфликтах XX в., беспрецедентных по количеству жертв, одной из основных функций «образа другого» становится не просто отчуждение «другого» как «не своего» с другим поведением, а его психологическая «демонизация», лишение его человеческого облика, и наделение образом этническим. Во многом этот процесс также строится на проведении границы «своего» и «другого» по легко заметным внешним признакам, однако, как отмечает ряд исследований⁹, он начинается целенаправленно поощряться воюющими сторонами и правительствами для смягчения психологического барьера массового убийства людей в меняющихся условиях конфликта.

В связи с этим «образ другого» становится не просто «другим» («француз», «басурманин»), но намеренно отталкивающим и менее человечным (тенденция, которая получит дальнейшее развитие в образе террористического «другого» на современном этапе). В частности, с увеличением числа не приграничных, а глобальных, межцивилизационных конфликтов (постколониальные конфликты разных культур и рас, Корея, Вьетнам, Афганистан, Ирак, и т.д.) широкое распространение в западном восприятии получает безликий, но отталкивающий своим стереотипированным расизмом и преувеличенным количеством (демог-

■ Международные отношения

рафический образ Азии) «образ другого». Данная тенденция подчеркивает конфликт конструктивистского подхода с представлениями реализма о природной агрессивности человека: демонизация «другого» получает распространение параллельно с развитием военных технологий и увеличением масштабов разрушений и жертв, тем самым примирив «своего» с окружающим его насилием (то есть насилие отторгается человеческой психологией, а не является ее неотъемлемой частью). Эффект демонизации демонстрирует возрастающую значимость «образа другого» для поддержания конфликтного потенциала.

Демонизации «другого», а следовательно, и накоплению ответной агрессии способствует не только стремление к сглаживанию и принятию уровня насилия, но и все большее количество информации. Первая мировая война становится переломным моментом для сложившегося ранее героического военного эпоса: появление и всевозрастающая доступность информации о жертвах, военных преступлениях и технологически возможном уровне насилия придают войне отталкивающий образ не только в исторических источниках, но и в популярной культуре, в то время как масштаб военных разрушений делает военный конфликт невыгодным в экономическом отношении¹⁰. Военные преступления Второй мировой войны окончательно закрепляют за военным конфликтом отрицательный образ: война перестает быть не только привлекательной, но и выгодной с экономической и, с развитием международных институтов и ООН, с имиджевой точки зрения.

Современный «другой» в конфликте: информационное и компаративное усложнение

Информационная революция и изменение отношения к войне и масштабам конфликта ознаменовали начало усложнения субъекта и функций «образа другого» на пути к становлению современного «другого» в конфликте. Отмеченные ранее процессы демонизации и отождествления «другого» с очевидными отличиями внешности и поведения сохранились в той или иной форме до сих пор¹¹. Однако к традиционным формам и «образам другого» добавились новые особенности, вызванные дальнейшим развитием намеченных ранее тенденций:

- изменением характера конфликтов (появлением новых и асимметричных войн);
- доступностью и скоростью распространения информации;
- изменением возможности «своего» осознавать «свою» идентичность и сравнивать ее с другими конфликтами (повышение уровня политического самосознания и образования).

В данном разделе будет рассмотрено несколько тенденций, свидетельствующих об усложнении «образа другого» и его роли:

1. *Изменение самосознания «своего» и восприятия «другого».* Предыдущие примеры отмечали постепенную эволюцию отношений власть – об-

щество и влияние элита-общественного разделения на восприятие однородности и сплоченности «своего» и «другого». Эти отношения в значительной степени обуславливали и доверие к «образу другого», предлагаемого «своим». В разделенной (например, монархической) системе власть – общество народный «свой» был склонен стереотипировать и искать отличия от «другого» в конфликте, который происходил независимо от воли народного «своего». К примеру, в Наполеоновских и Русско-турецких войнах народный «свой» имел лишь общее представление о причинах конфликта и следовал за решениями элитного «своего». Тем самым упрощенный и объективно необоснованный «образ другого» (например: турок – басурманин – злой) представлял собой механизм психологической адаптации к наличию противника и к навязанному конфликту как таковому.

В современной системе власть – общество, особенно в демократическом соотношении и дискуссии акторов внутри «своего», вероятность не подвергаемого сомнению «другого» существенно ниже. Дистанция власть – общество значительно сократилась, и при увеличении контактов с «другим» в условиях глобализации и открытых экономик, а также с увеличением повседневной информации о «своем» и «другом» в конфликте, затрагивающем всех, недостаточно просто представить и поверить в чуждость и враждебность «другого».

Структура и самосознание «своего» с развитием демократической системы претерпевают значительные изменения: «свой» институализируется в рамках национального государства. Общественный «свой» оказывается вовлеченным в политический процесс через выборы, влияние общественного мнения, партии, протесты и другие формы политического выражения. Ощущение непосредственного участия общества в политических решениях и создании «других» получает развитие в утверждении политических прав и свобод. С распространением образования и политического сознания общество начинает верить в свою возможность понять и разобраться в причинах политических явлений, в том числе конфликтов. Появляется иллюзия правильности собственного знания: «эффект третьего»¹², продемонстрировавший разное ощущение воздействия СМИ на общественное восприятие: каждый считает себя способным разобраться в потоке информации и занижает влияние СМИ на собственное мнение, в то же время приписывая зависимость от СМИ другим людям. Тем самым складывающийся из индивидуального коллективный общественный «свой» обретает иное самосознание и восприятие собственных возможностей в политических решениях и создании «других». В современном конфликте «образ другого» формируется обществом по его собственному убеждению и в результате иллюзии знания о «другом» (общество способно понять политические процессы).

Косвенным последствием эволюции «своего» и его осознания своих границ и причастности к политике и конфликтам становится динамика формирования и изменения «другого». Так же как чуждость «другого» подвергается большому сомнению в начале конфликта, образ уже отчужденного «другого» становится сложнее изменить, если «свой» убедился в собственной правоте. Примером может служить сохранение пережитков мышления «холодной войны» в современных российско-американских отношениях: приняв стереотип о «другом», общество не может изменить свое представление уже несколько десятилетий;

2. *Ускорение оборота информации и событийности «образа другого».* Современное информационное общество исходит из представлений о наличии общих человеческих ценностей и прав. Тем самым эксклюзивность собственного правильного поведения (предыдущая формула «своего» как «людей с правильным поведением») помещается в контекст общих устремлений: внешнее поведение может отличаться, однако конечные цели у «своих» и «других» совпадают. Как уже отмечалось, признаки поведения или внешности могут по-прежнему использоваться как элементы чуждости «другого», однако в современном конфликте «образ другого» часто становится событийно-ориентированным.

С ускорением распространения информации (телевидение, Интернет, блоги, Youtube, твиттер), роль отдельного события и информации о нем на изначальных этапах формирования «другого» значительно возрастает. Пропорционально возрастает и влияние информации на политическое поведение демократических государств: выборные циклы обусловили краткосрочность политических выводов о «другом». Попавшие в СМИ и Интернет сообщения и любительские видео отдельных столкновений повстанцев с правительственными войсками в Ливии или Сирии оказали значительное влияние на формирование и восприятие «другого» в Европе и США. Быстро доступные данные, показывающие шокирующую близость происходящего насилия и вызывающие политический порыв к действию, создают иллюзию достоверности и длительной чуждости «другого» до конфликта: нынешние события воспринимаются как лишнее доказательство того, что «было известно уже давно»¹³. Тем самым «образ другого» в Каддафи и Асаде приобретает иллюзию временной достоверности.

Растущая событийная ориентированность «образа другого» совпадает по времени с феноменом ускорения социального времени. Меняется характер конфликта: вместо продолжительных межгосударственных войн большая часть современных конфликтов обретает форму асимметричного конфликта или столкновений с негосударственными формированиями. Отрезок времени между произошедшим событием, получением информации о нем и формированием на основе этой информации «образа другого» сократился до минимума. Таким образом, общественное вос-

приятия «другого» не только фрагментируется до отдельных событий, но и объективно ускоряется;

3. *Углубление компаративной составляющей «образа другого».* Иллюзия прошлого в свете настоящего может происходить и наоборот: современный «другой» часто ассоциируется с образами прошлых событий. Это изменение «образа другого» также стало возможным благодаря двум параллельным тенденциям. С одной стороны, этому способствовало усложнение информационного поля и политического знания. С другой стороны, произошла консолидация «своего» в рамках национальных государств, и благодаря этому стало возможным накопление предыдущих «образов другого» в коллективной памяти «своей» идентичности, относительно стабильной в границах. Значительно возросла не только возможность сравнивать «образы других» в поисках признаков чуждости «другого» (компаративная функция), но и убедительность «образа другого» за счет устойчивых параллелей, которые он вызывает (ассоциативная функция).

Благодаря этому изменению происходит усложнение «другого» через метафорическое стереотипирование. Помимо внешних признаков отличия от «своего», возникают ассоциативные аспекты чуждости «другого», не основанные на реально наблюдаемом или поверхностном отличии. Через использование метафоры (сравнения) с известным и однозначно оцениваемым событием прошлого происходит «перенос смысла и оценки одного события на другое»¹⁴. Так, описание непонятных или малоизвестных обществу событий через параллели с Гитлером, нацизмом или геноцидом задает четко негативные рамки первоначальному восприятию «другого» (примером снова может служить западное восприятие «арабской весны»). В «образе другого» сосредотачиваются отрицательные черты: агрессия, насилие, неуважение к человеческим ценностям и другие стереотипы. С другой стороны, политические действия также воспринимаются в сравнении: так, в российском общественном мнении вмешательство НАТО в ливийский кризис рассматривается в негативном контексте вмешательства США в Ирак в 2003 г.¹⁵ В результате достигается эффект сходства событий, и восприятие прошлого может перенестись на восприятие настоящего.

Компаративное усложнение «образа другого» проявляется не только во влиянии ассоциаций на отчуждение «другого», но и в помещении отдельно взятого «другого» в глобальный контекст восприятия «своих» и «чужих». Возрастающая политическая взаимозависимость и информированность приводит к вовлечению «своей» идентичности в конфликт третьих групп («другой»-«другой»). «Свой» помещается в наднациональный контекст: несмотря на политическое несогласие со вторжением союзников в Ирак, Россия, Германия и Франция не ассоциировали себя с иракским «другим». Если раньше отношение к конфликтам третьей стороны формировалось на уровне политических интересов (например, неучастие ряда европейских

■ Международные отношения

стран в антинаполеоновских коалициях), то теперь помещение реакции «своего» в глобальную систему координат «скорее своих» и «скорее чужих» становится частью массового восприятия.

Представленные в статье тенденции развития «образа другого» и исторические примеры позволяют вывести следующую схему эволюции и усложнения этого феномена:

Фигура 1

Линейное и компаративное усложнение «образа другого».

Тем не менее уже сейчас намечаются дальнейшие направления эволюции «другого» и «своего» в конфликте. С одной стороны, развитие внутринациональных конфликтов и протестных движений приводят к фрагментации «своего» от национального уровня к иным коллективным идентичностям. С другой стороны, социально-ценностная глобализация развивает тенденцию контекстной ассоциации «своего» с другими «своими» и переводит границу идентичности в ценностную плоскость (например, демократический «свой»). Вместе с отмеченными в данной работе усложнением «образа другого» и изменением самосознания «своего» процесс эволюции идентичностей в конфликте выявляет возрастающую важность конструктивистского анализа, который объясняет конфликт не с позиции рационального поведения, а через реконструкцию сложившихся стереотипов, представлений и аналогий, определяющих восприятие как на коллективном, так и на государственном уровне.

Chernobrov D. *Evolution of the Other in Modern Conflict: a Constructivist Experience of Conflict.*

Summary: Conflict, as dealing with power, generally tends to be analysed in Russian sources through the prism of national interest and power play. Emerging new phenomena, such as terrorism, new/asymmetric warfare, popular uprisings (e.g. Arab Spring), and the controversial notion of globalization, tend to be placed in realist frames of balancing, interest and state politics. This essay expands a constructivist contribution to explaining conflict by looking at the evolution of the image of the 'other' and stressing its importance as an element reflecting and cementing the conflict potential at a collective, public level. The argument links the evolution of the Other to its multi-level self-identities, formation of nation-state-self, increase in accessible information flows. By making a socio-historical cut, the essay suggests that conflict 'others' today have become more complex, which inhibits conflict resolution and leads us to reevaluate the often neglected role of constructivist analysis.

Ключевые слова

Идентичность, конфликт, политическая психология, «образ другого», конструктивизм, проблема восприятия в международных отношениях.

Keywords

Identity, conflict, political psychology, self and other, constructivism; perception.

Примечания

1. Более подробно зависимость конфликтного потенциала от «образа другого» проанализирована в статье: Чернобров Д.В. «Информационное изменение образа «другого» в разрешении международных конфликтов». Вестник. 2011. №5 (20). Таким образом, данная статья развивает представленный ранее вывод и помещает его в исторический контекст эволюции «образа другого».
2. Один из основных тезисов, которые предлагает K. Waltz.
3. Barth F. (ред.) Ethnic Groups and Boundaries. Long Grove, IL: Waveland Press, 1998.
4. Примером формирования такой границы может служить вопрос религиозной нетерпимости как одного из уровней идентичности (в данном случае, — основанной на религиозной принадлежности). При наличии множества объективных отличий между абстрактной радикальной религиозной группой и другими людьми (пол, возраст, национальность, социальный статус, личные вкусы, отношение к политике или искусству) именно вопрос религии становится социально «сконструированным» отличием, которое становится границей идентичности «свой» и «другой». Тем не менее до контакта это отличие не является группосоставляющим для «другого», и тем самым до контакта ни «свой», ни «другой» не существуют в той взаимоисключающей форме, которую их граница принимает при встрече.
5. Todorov, T. The Conquest of America: the Question of the Other. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1999. С. 254.
6. Там же. С. 86.
7. Pennebaker J., Paez D., and Rime B (ред.) Collective Memory of Political Events. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. С. 147–175.
8. Hafer C., Olson J., and Peterson A. Extreme Harmdoing: a View from the Social Psychology of Justice. // Esses, V. and Vernon R. Explaining the Breakdown of Ethnic Relations. Why Neighbors Kill. Oxford: Blackwell Publishing, pp. 17–40. С. 29.
9. В том числе Braestrup 1983, Dower 1986.
10. Keynes J. The Economic Consequences of Peace. Harcourt, 1920.
11. Примерами могут служить демонизация режимов Каддафи и Асада в последние 2 года в западных СМИ, значительный уровень этнического стереотипирования и создание антимусульманских предубеждений после распространения глобального терроризма, а также сохранение национализма, использующего сходные методы формирования «образа другого» как в России, так и за рубежом.
12. «Эффект третьего» (third person effect) был предложен социологом В. Дейвисоном (Davison) в 1983 г. и экспериментально развит Ричардом Перлоффом (Perloff) в 1999 г.
13. Zizek S. The Sublime Object of Ideology. London: Verso, 2008. С. 59.
14. Jackson P. Civilizing the Enemy. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2006. С. 29.
15. Об этом свидетельствуют данные научного эксперимента (Чернобров Д.В.), проведенного на базе МГИМО(У) МИД РФ в сентябре 2012 г. и призванного реконструировать влияние аналогий и сравнений на восприятие «арабской весны».